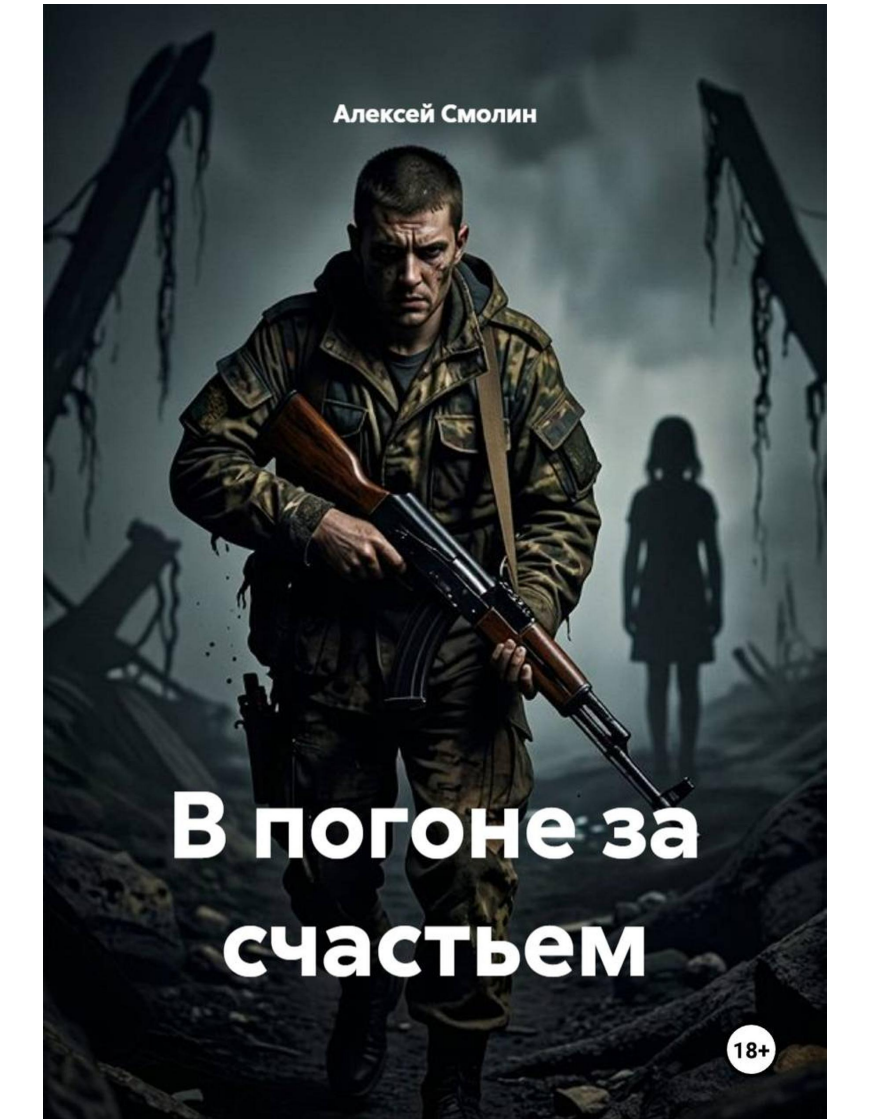

A movie poster featuring a soldier in camouflage gear, holding an AK-47, walking through a dark, war-torn landscape. In the background, a silhouette of a woman is visible. The title 'В погоне за счастьем' is written in large white letters at the bottom, and the name 'Алексей Смолин' is at the top.

Алексей Смолин

В погоне за счастьем

18+

Алексей Смолин

В погоне за счастьем

<https://litres.ru/74684494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вольный сталкер по кличке Змей никогда не ходил в Зону за славой. Он ходил туда за деньгами — и никогда не скрывал этого.

Когда врач сообщает, что его четырнадцатилетней дочери Маре осталось полгода, а лечение стоит столько, что за него можно купить половину города, у Змея остаётся один выход: идти в Зону и приносить оттуда то, что там ещё можно взять. Всё просто. Всё понятно.

Пока на его пути не появляется парень по имени Константин — двадцать лет, чужая куртка, пустой автомат и мать, которой тоже нужна операция. Его берут как обузу, а он оказывается единственным, кто в самый нужный момент встаёт, когда надо было лежать.

Дальше — закономерно: опасные тропы, тени, прикидывающиеся тем, что ты любишь, торговцы, которые считают не артефакты, а людей, и серый человек по имени Север, у которого есть списки, шрамы и свой интерес.

Алексей Смолин

В погоне за счастьем

Глава 1. Призыв из тишины

К утру пыль на станционных путях становилась розовой. Змей всегда говорил, что это не рассвет такой, а ржавчина, которую ветер поднимает с составов, — и что розовый цвет в этих краях означает только одно: кто-то сегодня не вернётся.

Он стоял у бетонного забора с чемоданчиком в руке и смотрел, как за воротами клубится туман. Туман был неправильный: слишком плотный у земли, слишком неподвижный. Зона дышала. Она всегда дышала, даже когда вокруг стояла тишина, — особенно когда стояла тишина.

В чемоданчике лежали три артефакта. Не те, что делают человека богатым. Те, что делают человека должным.

— Змей.

Он не обернулся сразу. Сначала — привычка: оборачиваться на имя в этих краях означало показывать, что тебе не всё равно, что тебя знают.

За спиной стоял Витя-Считалка, кладовщик из госпиталя, в котором лежала Мара. Худой, в мятом халате поверх свитера, с папкой под мышкой. Он приехал на станцию на автобусе, в котором пахло дизелем и мокрыми куртками, и теперь мялся у забора, как будто забор был границей не только города, но и закона.

— Не надо, — сказал Змей.

— Я ничего не сказал.

— Ты приехал. Ты уже сказал.

Витя вздохнул и открыл папку. Внутри лежал лист с печатью — тонкий, дешёвый, с двумя подписями. Змей смотрел на печать дольше, чем следовало. Печать была синяя, а не красная. Красная означала бы окончательный приговор. Синяя означала срок.

— Полгода, — тихо сказал Витя. — Может, семь месяцев. Если начать протокол сейчас, а не через месяц. Понимаешь?

Змей понимал. Полгода — это двадцать восемь недель. Двадцать восемь недель — это десять выходов в Зону, если повезёт. Если не повезёт — три. А если совсем не повезёт — ни одного, и тогда синяя печать станет красной, и он будет вспоминать этот разговор до конца своей жизни, который, в общем-то, тоже будет недолгим.

— Сколько? — спросил он.

Витя назвал цифру. Цифра была такая, что Змей на секунду закрыл глаза, и в этой темноте ему стало смешно: он вспомнил, как когда-то считал деньги на новую куртку и думал, что это дорого.

— За один протокол? — уточнил он.

— За один курс. Первый. — Витя закрыл папку и прижал её к груди. — Змей, я тебе не враг. Я тебе говорю, как есть, потому что врать тебе — это как врать насосу: толку ноль, а вода всё равно поднимается. Деньги нужны быстро. Пони-

маешь?

— Понимаю.

— Тогда не ходи один.

Змей наконец обернулся. Посмотрел на кладовщика сверху вниз — не из злости, а потому что так было проще: когда смотришь сверху, лицо держать легче.

— Витя, — сказал он мягко, — ты знаешь, сколько мне платят за то, чтобы я ходил не один? Три доли. Одну — за меня, две — за тех, кто со мной пойдёт и решит, что моя доля слишком большая.

— Есть нормальные люди.

— Нормальные люди в Зону не ходят.

Витя не нашёлся что ответить. Он ушёл к автобусу, оставив после себя запах госпиталя — спирта, хлорки и чуть-чуть остывшего чая. Змей смотрел ему вслед, пока автобус не развернулся и не уехал, и только потом открыл чемоданчик.

Три артефакта. «Капля» — маленькая, тёплая, завёрнутая в тряпку. «Пепел» — серый шар, который нельзя было долго держать в руке. И третий, который он не любил, но всё равно носил: кривая пластина, похожая на осколок чего-то, что когда-то было живым. Он не знал, как она называется. Он знал только, что за неё на рынке дают вдвое больше, чем за «Каплю», и что после каждого касания у него на ладони остаётся бледная полоса, которая проходит за сутки.

— Ладно, — сказал он вслух.

Слово упало в туман и не вернулось.

Змей закрыл чемоданчик и пошёл к воротам. На посту сидел старик с лицом, как старая картофелина, и пил чай из термоса. Он даже не поднял головы — только отставил кружку и подвинул журнал.

— Куда? — спросил старик.

— Туда.

— А обратно?

— Как получится.

Старик хмыкнул и поставил в журнале кривую галочку. В галочке не было ни капли смысла, но в этих краях кривая галочка была единственной формой обещания.

— Два дня, — сказал старик. — Больше двух дней я тебя помню. На третий — забываю. Понял?

— Понял, — сказал Змей. — Спасибо.

Туман за воротами был тёплый. Тёплый туман в октябре — первая неприятность. Змей сделал шаг, потом второй, и за спиной у него осталась станция, розовая ржавчина и город, в котором в палате на втором этаже лежала девочка, которой он ещё не сказал, что едет.

Он скажет ей, когда вернётся. С артефактами. С деньгами. С курсом протокола, оплаченным до последней монеты.

Туман сомкнулся.

Глава 2. Правило первой ошибки

Первая ошибка всегда одна и та же: человек думает, что

Зона начинается за воротами.

Змей знал, что она начинается раньше. В тот момент, когда ты в последний раз оглядываешься на город и решаешь, что тебе там есть куда вернуться. Стоит решить — и ты уже в Зоне, независимо от того, сколько километров до колючки.

Он шёл по старой насыпи, где рельсы были сняты ещё до его рождения, а шпалы остались. Шпалы пахли креозотом и мокрой землёй. Через полтора часа туман поредел, и впереди показалась станция — ржавый остов водонапорной башни, обрушенная платформа, вагон, стоящий на боку, как уставшее животное. Над вагоном кружили птицы. Птицы в Зоне — хороший знак. Значит, воздух здесь ещё дышит, а не режет лёгкие.

Змей присел у шпалы, вынул из кармана карту и разложил на колене. Карта была нарисована от руки на обратной стороне рекламного плаката, и в её основе лежали три источника: старая схема железной дороги, рассказ пьяного сталкера по кличке Мокрый Лис и его собственные ноги. Последнему источнику он доверял больше всего.

Красным карандашом на карте был обведён квадрат. Внутри квадрата — три крестика и подпись: «Сухая яма. Капля дождя. Не суйся в воду».

«Капля дождя» — вот за чем он шёл. Артефакт, который появлялся только в местах, где влага собирается в воздухе и не падает на землю: тонкая, как лезвие, прозрачная пластина, которая на рынке стоила столько, что за неё можно было

оплатить два курса протокола. Или один, но хороший. Или новый насос для госпиталя — если быть честным с собой, Змей подумывал и об этом, но потом вспоминал цифру на бланке Вити и переставал думать о благородстве.

Он убрал карту. Встал. Прислушался.

Тишина была не совсем тишиной. В ней был шорох — ровный, низкий, как дыхание спящего. Так дышала аномалия «моховой шёпот»: пятно на земле, покрытое серо-зелёным налётом, которое втягивает в себя влагу и звук. Если пройти через него быстро — ничего. Если стоять — оно начинает считать твои шаги. А когда досчитает до своих — делает.

Змей пошёл в обход. Не потому, что боялся, а потому, что за годы научился: обход стоит двадцати минут, а ошибка — всей оставшейся жизни, измеренной в минутах.

Обход вывел его к вагону.

И тут он сделал первую ошибку.

Не в Зоне. В себе. Он увидел под вагоном, в тени, что-то блестящее — маленькое, круглое, маслянисто-тёмное, — и подумал: «Повезло». Подумал быстро, до того, как проверил. Это и была ошибка: не «полез под вагон», а «обрадовался раньше времени».

Он опустился на колени, заглянул. Пятно под вагоном было ровным, чистым, слишком чистым. На земле вокруг — ни пылинки, ни сухого листа. В Зоне так не бывает: Зона всегда немного грязная. Чистота здесь — это чей-то аккуратный

обед.

Змей отшатнулся.

Поздно. Воздух над пятном дрогнул, и из-под вагона вытянулась тонкая, как паутина, струна света. Она прошла в сантиметре от его лица — он почувствовал, как кожа на щеке натянулась, будто её кто-то мягко, но настойчиво тянул к себе.

— Ах ты, — выдохнул Змей.

Он упал на спину, перекатился, вскочил. Струна медленно втянулась обратно. Пятно под вагоном стало обычным пятном. Блестящая круглая штука исчезла — её никогда и не было, кроме как в его собственной голове.

Вот так и работает первая ошибка: она всегда показывает тебе то, что ты хочешь.

Змей стоял, держась за щёку. Кожа горела, но не кровоточила. Это было лучшее, что могло случиться. Он знал парня, которому такая струна прошла по горлу; парня звали Хомут, и у него осталась красивая вдова и очень короткая память у всех, кто его знал.

— Спасибо, — сказал Змей в пустоту. Пустота не ответила. Она никогда не отвечает — и это, пожалуй, самое честное, что в ней есть.

Он сел на шпалу, достал фляжку и сделал два глотка. Вода была тёплая и отдавала металлом. Пока пил, посмотрел на карту ещё раз и понял, что до Сухой ямы идти не меньше шести часов, а солнце — он мельком глянул на небо — уже

перевалило за середину.

Значит, ночевать в Зоне.

Это была не ошибка. Это была неизбежность, о которой он знал с самого начала и о которой не сказал ни старику на посту, ни Вите, ни — тем более — Маре.

Второй час пути был спокойным. Так в Зоне и бывает: она любит давать человеку почувствовать себя хозяином. Потом, когда ты расслабишься, — бьёт.

Мимо проплыла роща: сухие стволы, у которых кора закручивалась спиралью, будто деревья кто-то выкручивал из земли, как бельё. В роще стояла тишина особого рода — такая, что в ней слышно собственный пульс. Змей прошёл её краем, ни разу не углубившись, и всё равно на выходе почувствовал, как у него онемели пальцы.

К вечеру он вышел к оврагу.

Овраг был неглубокий, но длинный, и по его дну текла вода — тонкая струйка, которая, по всем законам, должна была пересохнуть ещё в августе. Вода пахла железом. Над ней висел пар.

Змей сел на край, свесил ноги и стал смотреть, как пар поднимается и складывается в фигуры. Это была ещё одна особенность Зоны, к которой он привык: она любит показывать. Не пугать — показывать. Пугает она потом.

В паре сложился силуэт. Маленький — не выше его колена. Силуэт стоял на другом берегу, и было в нём что-то от птицы: острые плечи, наклонённая голова.

— Ты кто? — спросил Змей. Он не ждал ответа. Он просто говорил, потому что молчать в Зоне на ночь глядя — плохая привычка.

Силуэт исчез.

И почти сразу — звук. Далеко, за оврагом, в роще: короткий, сухой щелчок. Потом второй. Потом третий, чаще.

Стреляли. И стреляли не в воздух: в Зоне не тратят патроны, чтобы подать голос. Стреляли в кого-то.

Змей встал. Первый его порыв был правильный: не бежать, а уйти в сторону, чтобы переждать. Второй порыв был человеческий: пойти посмотреть. Третий — расчёт: если там кто-то в беде, у него может быть то, чего нет у Змея; а если там кто-то не в беде, то у него точно есть патроны и, возможно, еда.

Он выбрал третий. В этих краях третий порыв обычно самый разумный — и самый опасный.

Он пошёл на звук, держась кромки рощи, ступая на пятки, чтобы не хрустеть. Щелчки прекратились. Вместо них — голос, молодой, злой и очень громкий:

— Да чтоб тебя! Ну давай, давай, иди сюда! Я тебя вижу!

Змей остановился. Присел. Раздвинул ветки.

На поляне, посреди рощи, стоял парень лет двадцати — тощий, в чужой, слишком большой куртке, с автоматом, который он держал так, будто впервые видел в руках что-то тяжелее ложки. Перед ним, метрах в десяти, качалось на месте пятно тумана — плотное, почти твёрдое, с тонкими, как во-

лос, отростками, которые тянулись к земле.

Парень не стрелял. Патроны у него, судя по всему, кончились. А пятно уже начинало тянуться к нему.

— Ты чего замер? — сказал Змей, выходя из-за деревьев. Голос он сделал спокойным и скучным — так проще всего сбить у человека панику. — Отходи влево. Медленно. Не беги. Пятно бегущих любит.

Парень обернулся. Глаза у него были совершенно круглые.

— Ты кто?

— Тот, кто тебя отсюда вытащит, если ты сейчас сделаешь то, что я скажу. Влево. Шаг. Ещё шаг. Не смотри на него. Смотри на меня.

Парень сделал шаг. Потом второй. Пятно дёрнулось — и остановилось, будто приняхалось.

— Ещё, — сказал Змей. — И брось автомат.

— Чего?!

— Он пустой. Он тебе только мешает. Брось.

Автомат стукнул о землю. Пятно метнулось к нему — и вцепилось в ствол, облепило, сжалось, и через секунду на земле лежала скрученная, чёрная, мёртвая железка. Парень успел отпрыгнуть. Он стоял уже рядом со Змеем, и его трясло так, что было слышно, как стучат зубы.

— Спасибо, — выговорил он. — Спасибо. Я думал — всё.

— Как зовут?

— Костя. Константин. Рыжий.

— Кличка?

— Никакой. Я первый раз.

Змей посмотрел на него. Долго. Потом выдохнул и потёр горевшую щёку.

— Ну, Константин Рыжий, — сказал он. — Ты выбрал очень удачный день, чтобы первый раз побывать в Зоне. И очень неудачное место. Что ты тут искал?

Парень шмыгнул носом.

— Артефакты. Как все. — Он помолчал. — У меня мать. Ей операция нужна. Я думал — здесь можно быстро.

Змей молчал. Он смотрел на рощу, где туман уже расплзался, облизывая скрученный автомат, и думал о том, что слышал эти слова слишком много раз, от слишком многих людей, и что почти все они сейчас лежали где-то в этих же рощах, и никто из них не добрался до Сухой ямы.

А потом подумал о том, что уже дважды за один день услышал историю, в которой деньги нужны не для себя.

— Ладно, — сказал он. — У тебя есть двадцать минут, чтобы решить: идёшь со мной или возвращаешься. Если идёшь — слушаешь меня и не споришь. Если вернёшься — я тебя не виню, но ты никогда не назовёшь меня другом, потому что я не дружу с теми, кто уходит первым.

Парень смотрел на него, приоткрыв рот.

— А ты кто? — спросил он наконец. — Как мне тебя называть?

Змей поправил лямку рюкзака.

— Змей.

Парень кивнул — быстро, как будто боялся, что его пере-
думают.

— Змей, — повторил он. — Я иду.

— Тогда идём, — сказал Змей и первым шагнул в темне-
ющую рощу, спиной чувствуя, как за ним, оступаясь, идёт
чужое горе. — И запомни первое правило: в Зоне не бывает
попутчиков. Бывают только те, с кем ты пока не расстался.

Туман за их спинами сомкнулся, мягко, как дверь.

Глава 3. Дом у мёртвой воды

Ночлег нашли в водонапорной башне — той самой, что
днём торчала над туманом, как обкусанный палец. Внутри
была железная лестница, спиралью уходящая вверх, и пло-
щадка на втором уровне: бетонный пол, остатки перил, окон-
ный проём без стекла. Отсюда было видно всё: овраг, рощу,
полосу насыпи. Плохое место для того, кто хочет спрятаться,
и хорошее — для того, кто хочет увидеть, как к нему идут.

Змей поднимался первым. Осмотрел площадку, постучал
прикладом по перилам — те отозвались глухо, но держали.
Потом сбросил рюкзак, присел и достал из внутреннего кар-
мана две тонкие свечи и жестяную банку. Свечи в Зоне были
не для света. Свет привлекает. Свечи — для проверки: если
пламя стоит ровно, воздух чистый; если тянется в одну сто-
рону, как язык, — здесь есть тяга туда, куда тебе не надо.

Пламя стояло ровно. Змей кивнул сам себе.

— Заходи, — сказал он. — И самое главное: с этой секунды ты не выходишь на открытое место без меня. Понял?

— Понял, — сказал Константин. Он поднялся по лестнице, осторожно, как по льду, и сел у стены, обняв колени. Куртка на нём была не его — с чужого плеча, с чужой прорехой на локте, защитой грубыми стежками. Кто-то шил её с любовью. Змей отметил это и ничего не сказал.

Они поели молча: хлеб, сало, луковица, разрезанная пополам. Константин жевал жадно, потом вдруг остановился и отложил кусок.

— Я половину не съел, — сказал он виновато. — У меня ещё есть. Немного.

Змей усмехнулся.

— Ешь. В Зоне не делятся тем, что съел. Делятся тем, что не съел.

Парень кивнул и доел. Потом вытер руки о штаны и долго смотрел в окно, где туман лежал слоями, как простокваша.

— А почему ты один? — спросил он.

— Потому что так дешевле.

— Это как?

— Группа из трёх человек берёт три доли, а артефактов находит на полторы. Значит, каждый получает половину от того, что мог бы. — Змей привалился спиной к стене и вытянул ноги. — Нас учили: в Зоне безопаснее втроём. И это правда. Только у меня не та задача, где важна безопасность.

— А какая?

Змей помолчал. Он редко говорил об этом вслух — и не из суеверия. Просто слова, сказанные вслух в Зоне, имеют свойство возвращаться не в том виде, в каком ты их выпустил.

— Дочь, — сказал он наконец. — Мара. Четырнадцать будет в марте. Лежит в госпитале на станции, второй этаж, палата с синей рамой. — Он вдруг услышал свой голос со стороны и понял, что говорит слишком подробно. Так говорят люди, которые долго молчали. — Врач сказал: полгода. Может, семь месяцев. Всё зависит от денег.

Константин не сказал «сочувствую». За это Змей был ему благодарен больше, чем за всё остальное.

— И сколько нужно?

— Много.

— А если не хватит?

— Тогда я найду ещё.

— А если снова не хватит?

Змей повернул голову. В окне было темно, и в этой темноте отражалось его собственное лицо: незнакомое, постаревшее.

— Тогда я буду тем, кто ищет, пока не перестану искать, — сказал он. — Но я тебе отвечу честнее, чем ты спросил. Мне не «не хватает денег», парень. Мне не хватает времени. Деньги — это то, во что время можно перевести. Обратно оно не переводится.

Константин долго молчал.

— А у меня мать, — сказал он потом. — Ей шестьдесят один. У неё сердце, и врач говорит, что операцию надо делать в этом году, а в следующем будет поздно. Я год собирал. Набрал на половину. Потом остался без работы, потом снова нашёл, потом снова потерял. — Он усмехнулся, невесело. — И знаешь, что самое дурацкое? Я думал: вот в Зоне всё решается быстро. Один раз сходил — и всё. Правда быстро, да?

— Быстро, — согласился Змей. — Только не туда.

Он задул свечу. Темнота сомкнулась, но не полностью: в окно лил мягкий свет, будто кто-то держал над туманом очень большую лампу.

— Слушай меня внимательно, — сказал Змей. — Завтра утром я иду в Сухую яму. Это мой путь, и он не выбирает попутчиков. Ты дойдёшь со мной до развилки, а там я тебе покажу обратную тропу. Она безопасная. Почти безопасная. Идёшь по ней до башни, от башни — по насыпи, к вечеру ты на посту. Ничего не ищешь, ничего не подбираешь. Понял?

— Понял, — сказал Константин.

— Скажи своими словами.

— Ничего не подбирать. Идти по тропе. Не оглядываться.

— Пойдёт.

Они заснули по очереди. Первым — Константин, и заснул он мгновенно, как засыпают только очень молодые и очень испуганные. Змей сидел, прислушиваясь. Внизу, у подножья башни, что-то шуршало и перебирало — однажды, дважды, потом перестало. К полуночи туман поднялся и залил проём

так, что окна не стало: только белое, мягкое, дышащее.

И в этом белом вдруг проступил звук. Не шаги. Не скрип. Голос.

Тонкий, очень тихий, девичий:

— Пап.

Змей не пошевелился. Даже дышать не стал.

— Пап, — повторил голос. — Ты почему не приходишь?

Он узнал его с первой секунды. Узнал бы и в тысяче голосов — по тому, как Мара тянула первую букву, когда капризничала; по тому, как в конце фразы у неё всегда получался чуть-чуть вопрос.

Зона умеет так. Она не пугает — она берёт то, что у тебя внутри, и делает из этого дверь. Просто показывает: вот здесь. Вот так. Ты же этого хочешь.

Ты же этого хочешь.

— Пап, мне страшно тут одной.

Змей сжал челюсти так, что заныли зубы. В голове было очень ясно и очень медленно: «Это не она. Это не она. Её голос ты знаешь, но его можно построить. Это не она».

— Пап, ну что ты молчишь?

Он зажал уши ладонями. Не помогло — голос не шёл через уши. Он шёл откуда-то из-под рёбер.

Тогда он сделал то, чему его научил один старик, давно, в другой жизни: начал говорить. Вслух. Своё имя. Дату рождения. Имя матери. Номер палаты. Имя врача. Имя дочери.

— Мара Викторовна Сорокина. Четырнадцать лет в мар-

те. Палата с синей рамой. Второй этаж. — Голос дрогнул, и он поднял его громче. — Врача зовут Пётр Ильич. Он не любит, когда опаздывают. Она не любит уколы. Она не любит, когда я опаздываю.

Белый туман в проёме дёрнулся и осыпался. Голос пропал — сразу, как выключают свет.

Змей сидел и трясся. Не от страха. От ярости. От того, что в Зоне у него нет ничего своего, что она может взять, и что завтра она возьмёт это снова.

— Услышал? — сказал он в темноту, зло. — Она не тут. Она дома. И я вернусь.

Темнота не ответила. Она никогда не отвечает.

Утро было серым и мокрым. Туман стал ниже, тяжелее, и в нём стоял запах ржавчины и сладковатой гнили.

Они спустились, и у подножья башни Змей увидел то, чего не увидел ночью: следы. Не человеческие. Мелкие, частые, с четырьмя точками — следы того, что всю ночь перебирало чем-то внизу. Оно не поднималось. Оно ждало.

— Не смотри, — сказал Змей.

— Я уже, — сказал Константин и побледнел.

До развилки шли часа полтора. Дорога была легкой — подозрительно легкой. Зона не даёт легких дорог просто так: либо проверяет, либо готовит. Змей шёл впереди, держал дистанцию в три шага и на каждом повороте проверял, идёт ли парень. Тот шёл. Хуже — он шёл почти радостно, будто за ночь ему всё это стало нравиться.

На развилке, где тропа расходилась на три, они остановились.

Змей показал рукой:

— Вот она. Обратная. Через рощу по краю, потом лощина, потом башня. Ты запомнил?

— Запомнил.

— Повтори.

Константин повторил. Сбился на лощине, поправился. Змей кивнул.

— Хорошо. Тогда иди. И слушай меня: что бы ты ни увидел по дороге — не сворачивай. Что бы ты ни услышал — не отвечай. Если кто-то позовёт тебя по имени — это не человек, потому что тут тебя никто не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.